

Дечка Чавдарова

Болгарская действительность, увиденная сквозь призму творчества Гоголя

Рецепция Гоголя широко исследована в болгарской науке: отмечены прямые влияния Гоголя на болгарских писателей (вплоть до обвинений некоторых из них в плагиате), раскрыто типологическое или контактологическое сходство гоголевского творчества с произведениями болгарских писателей (Вазова и Любена Каравелова) на основе элементов гротеска¹, исследована рецепция Гоголя в болгарской культуре XIX в. в ракурсе механизма перевода², указаны отсылки к Гоголю в речи болгарской интеллигенции XIX в. на материале мемуаристики³ и др. При исследовании межтекстовых связей с творчеством Гоголя в болгарской литературе конца XIX в. мое внимание привлекло изображение сферы вещей в гротесковом стиле Гоголя. На этой основе я сравнила описание нагромождения всевозможных вещей со значением 'хаос' в рассказе Вазова «Хаджи Ахилл» и гоголевское описание знаменитой «кучи» у Плюшкина в поэме «Мертвые души». Сравнение показало снятие значения 'хаос' в тексте Вазова, где собрание вещей (в том числе и сломанных) в цирюльне-кафе героя превращается в музей, вписывающий личную историю в мировую⁴. В дипломной работе под моим руководством был осуществлен сравнительный анализ творчества Гоголя с произведениями болгарских писателей Ивана Вазова и Любена Каравелова в ракурсе постмодернистского противопоставления «маленьких рассказов» и «большого нарратива». Если переводы произведений Гоголя в болгарской культуре XIX в. (нашего Возрождения) до 70-х годов свидетельствуют о востребованности героических образов из повести «Тарас Бульба» или концепции автора в поэме «Мертвые души»⁵, то воздействие гротескового гоголевского стиля на наших писателей ука-

зывает на их интерес к манере отражения сферы вещей (так называемый «предметный код») и комическому образу вхождения «большой истории» в замкнутый мир повседневности гоголевских персонажей.

Реминисценции со стилем Гоголя получают специфическую семантику в жанре мемуаров, занимающем важное место в болгарской культуре конца XIX в. – после Освобождения от турецкого рабства. Несмотря на доминанту нефикциональности в этом жанре, автор, который воскрешает в своей памяти пережитые исторические события и картины болгарской действительности 1870-х годов, предлагает свою интерпретацию / концептуализацию этой действительности, что придает его тексту черты литературности. Об этом сближении мемуаров с литературой пишут исследователи мемуаристики: «...все существующие дискурсивные практики (религиозные, политические, исторические, мемуарные, путевых записок) производят собственные тексты, но, чтобы создать адекватное восприятие, предпочитают воображать себя литературой»⁶.

Изучая гоголевские реминисценции в болгарских мемуарах, я обратила внимание на исторические записки Стояна Заимова «Прошлое» (1884). Здесь автор описывает лавку болгарского купца в селе Ябланица и создает образ «всемирной выставки», иллюстрирующий связи болгарской культуры с культурами других народов: на полках этой лавки встречаются товары со всего мира. Подобное нагромождение могло бы означать мультикультурность Болгарии, а также большие экономические возможности болгарского купца в Османской империи, но в мемуарах оно производит впечатление «вавилонского столпотворения», хаоса. Значение 'хаос' порождено сравнением кучи вещей с «доморощенным энциклопедистом» и фразой «Всичко по малко и разбъркано / Перемешано всего понемногу». То есть, «по внешнему виду лавка напоминает нам о средневековой строгости и мрачности духа, а по своему внутреннему содержанию она похожа на умственный склад какого-то местного энциклопедиста, в чьей голове впихнуто и перемешано всего понемногу». Кроме того, в тексте эксплицитно выражена идея связи болгарской культуры с Западом и Востоком: «Полки, углы и шкафы лавки были набиты всевозможными продуктами западной, восточной и местной промышленности»⁷. Описание содержит скрытую иронию рассказчика, направленную на «встречу» вещей-посланников разных культур, на дисгармонию между местным, восточным и западным. Само нагромождение вещей, сравнимое со всемирной выставкой, автор характеризует как «беспардонное». Дальнейшее перечисление товаров напоминает пространные гоголевские описания с элементами комического и нарушением семантической связанности⁸, семантическим контрастом: «...българският нещавен цървул виси над кутийката, в която се потаят английските игли; катранената качка седи редом с американската газ; доспатската борина лежи редом с виенските кибритени кутийки; праханта с каф кибрита, габровските ножчета с английските и немски чекийки; няколко аршина сливенска хаба лежи под няколко аршина черно сукно “виенска стока”; няколко сопотско шишета с локмаруху лежат наедно в една кутийка с няколко шишета с кезап; виенските червени сапунчета редом с чувала,

напълнен с гирит-сапуну; влашка сол, морска сол, емфе, тютюн в пакети, чер пипер, захар, маслини, хайвер (икра), басма, чехли, емении, подбрадници женски, юлари за коне, върви, възета, лико, вино, ракия, червени пиперски, чесън лук, кромид лук, яйца, сирене в тулум и в качета, кашкавал, ключеве, кофари, мандала, синджири, букаи за коне, тесли, брадви, пастърма, суджуци, черна и бяла дъвка (сакъз), прежда, ориз, кафени чашки, фарфорови блюдца, паници, ибрици и стомни от глина, дървени ракийничета и бъклицы, тъсми, коланчета и боямби (вратовръзки), бели, сини, червени и жълти мъниста, пръстенчета, обички, една кутия с бели и черни конци – “фино тънка виенска стока”; зелени, червени, бели, черни и сини гайтани, два-три турски пищова, няколко салтамарки, две-три огледалца, една дузина кутийки с огледалца (в които селските моми си крият дъвката и сърдечните тайни), телени копчета, една кутийка вакса (кундурá боясь), лой, червиш, цигаревы книжки, лули, чубуци, шарлан, кимсион, анасон, сусам...⁹ / ...болгарский цырвул¹⁰ висит рядом с коробочкой с английскими иглами; бочка с дегтем рядом с американским керосином; лучина из Доспата¹¹ лежит рядом с коробкой венских спичек и кремнем с трупом, габровские¹² перочинные ножики с английскими и немецкими складными ножиками; несколько аршинов сливенской абы¹³ лежит под несколькими аршинами черного сукна “венской работы”; рядом с сопотскими¹⁴ склянками с локмаруху¹⁵ – коробка с бутылками азотной кислоты; венское красное мыло рядом с мешком мыла с Крита; соль из Влахии, морская соль, пакетики с нюхательным табаком, черный перец, сахар, маслины, икра, ситец, тапочки, емении¹⁶, женские подбородники¹⁷, недоуздки для лошадей, веревки, лыко, вино, ракия, красный перец, чеснок, лук, яйца, брынза в мехах и в бочках, сыр, ключи, замки, щеколды, цепи, кандалы для стреноживания лошадей, тесла, топоры, вяленое мясо, суджук¹⁸, черная и белая жевательная резинка (тур. сакъз), пряжа, рис, кофейные чашки, фарфоровые блюдца, тарелки, ибрики и керамические кувшины, деревянные фляжки для ракии и вина¹⁹, тесьмы, поясочки и галстуки, белые, синие, красные и желтые бусинки, кольца, сережки, коробочка с белыми и красными нитками, – “изящный утонченный венский товар”; зеленые, красные, белые, черные и синие галуны, два-три турецких револьвера, несколько салтамарок²⁰, два-три зеркальца, дюжина коробочек с зеркальцами (в которых сельские девушки прячут жевательную резинку и свои сердечные тайны), проволочные застёжки, коробочка ваксы (кундурá боясь), сало, червиш²¹, бумага для сигарет, трубки, чубуки, оливковое масло, подсолнечное масло, тмин, анис, кунжут...» (Перевод мой. – Д. Ч.).

Значение ‘хаос’ в этом описании усилено наречием «немилосердно», для определения степени загроможденности. Разноязычие проявляется не только на уровне «встречи» и столкновения вещей, но и на уровне самого языка: в сочетании болгарских слов с заимствованными из западных языков, а прежде всего с турецкими (в некоторых случаях название товара приводится на двух языках, так что мемуарист выступает и в роли переводчика). Указывая на встречу разных культур на полках лавки, рассказчик в ироническом тоне подчеркивает болгарскую специфику подобной вы-

ставки: «...такое не увидишь ни в Европе, ни в Америке, ни в Турции, это известно только жителям Ябланицы». В комическом плане прокомментирована и замкнутость владельца лавки в его маленьком мирке, в его «личной истории», оторванной от «большой истории» (и этим купец напоминает персонажей «Старосветских помещиков» или «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»): «Для него не существуют никакие истории – ни болгарская, ни турецкая, ни всемирная»²². Воздействие гоголевского стиля на речь рассказчика-мемуариста можно уловить и в элементах «разветвленного описания», присущего повествованию у Гоголя, когда по поводу вещи приводится история, связанная с ней: «...дюжина коробочек с зеркальцами (в которых сельские девушки прячут жевательную резинку и свои сердечные тайны)...»

При помощи комическо-гротескового стиля Гоголя (с гиперболами, ироническими кавычками в некоторых высказываниях) рассказчик описывает и тюрьму в городе Пловдиве, акцентируя ее нечистоту: «...въздухът е влажен и пресен, зидовете плесенявали, мръсотия, дето се рекло, до шия. Относително гадовете, които населяват човешкото тяло, можете цели вагони да натоварите и в Цариград на “бит пазар” (пазар на въшките) да ги откарате, и на висока цена да продавате; искам да кажа: Генч ага бе държавен образец чивлик за изкуствено развъждане на въшките, бълхите, тахтабите и тифозните бацили²³ / ...воздух влажный, стены заплесневелые, грязь, так сказать, до горла. Что касается насекомых, населяющих человеческое тело, то вы можете нагрузить ими целые вагоны и отправить в Цареград на толкучку (на базар вшей) и продавать их за высокую цену; я хочу сказать: Генч ага было государственным образцовым именем для искусственного разведения вшей, блох, клопов и тифозных бацилл» (Перевод мой. – Д. Ч.).

Попытки показать тюрьму в более благопристойном виде перед визиром-инспектором напоминают указания городничего чиновникам и результаты их попыток в комедии Гоголя «Ревизор»: камеры опрыскивают карболкой, ставят в одну, предназначенную для болгарского революционера Узунова, кровать, облитую кипятком, опрыскивают мебель розовой водой, чтобы заглушить тюремную вонь.

Близость упомянутых описаний с описаниями Гоголя могла бы выглядеть субъективным ощущением читателя-интерпретатора, но в одном из фрагментов текст Заимова эксплицирует эту близость, отсылая к Гоголю. После того как описан интерьер дома иконописца Георгия Данчова из города Чирпан, рассказчик цитирует реакцию одного из посетителей этого дома: «Странный и престранный ты человек, бае Георго! Смотрю я на твое жилище, в котором царит такой артистический беспорядок, смотрю на тебя и не могу на тебя насмотреться. Жаль, что Гоголь не знал тебя: изобразил бы тебя не красками, а словами, так, что пальчики оближешь!»²⁴ А вот и этот интерьер, как бы увиденный глазами Гоголя: «Малката и гиздава сграда (внукът) се състои от една едничка широка, висока и светла стая, на която всичките прозорци гледат в двора... Жилището на Зографина е нашарено, изрисувано с какви ли не щете предмети, символи и алегии на разни възвишени идеи. По средата на високия таван

два разярени, живо нарисувани лева се боричкат. Това е алегория, която показва силата на българското революционно дело. По ъглите на тавана е изрисувана здрава яка мома, с трендафилов венец на глава, с усмивка на уста, със селски сукман на снага, с красиво изпъкнали гърди и с червено-бели бузи. Това е бъдещата свободна България. По стените на стаята са изписани сиви-гриви гълъби, кацнали на клонченца. Това е алегория, която напомня българската нравствена чистота. Около левозе, сякаш на хоро се хванали, надуват тръби и пеят песни многочислени херувими и серафими. Това е символът на тръбата, която ще засвири марша на свободата; това са небесните херувими, които ще запеят песента на правдата след изгонването на турчина от пределите на милата татковина... На южната стена е прикачено грамадно огледало. Под огледалото стои малка масичка, покритата с мрамор. Върху масичката се намират разни бръснарски джунджурии: калъф с бръсначи, кутия с пудра и всички принадлежности за самобръснене. Редом с огледалото зее двуетажен долап, натъпкан с отбор съчинения, гиздаво подвързани от самата ръка на Зографина. Това е библиотеката на човека, който, щом прочете нещо, обича по цяла седмица да го дрънка на приятели и съседи. В един от кътовете на стаята чакат реда си недоизографисани светици, в другия недорисувани портрети на приятели, в третия несвършени фотографски клишета, в четвъртия стои фотографическата машина, забулена с черно було. Край сляпата страна на стаята прострян, лежи широк дървен креват. На него могат да спят и пет души. Край другите стени са наредени подвижни, високи и доста широки дървени миндерлъци, накрити с "гюл басма". Сламени възглавници, в басмени калъфи, редом се редят на миндерлъците край стената. Три плетени стола и кръглеста маса стоят по средата на стаята. Няколко ниски плетени столчета, каквито ги има по кафенетата, в безпоредица се навъртат около и пред шарената врата на стаята. По общата безпоредица на нещата изглежда, че женски крак не стъпва в тази стая²⁵ / Маленькое пригложее строение состоит из одной широкой, высокой и светлой комнаты, все окна которой выходят во двор. Жилище Иконописца испещрено и изрисовано всяческими предметами, символами и аллегориями разных возвышенных идей. Посередине высокого потолка борются два разъяренных льва, которые выглядят как живые. Это аллегория, подсказывающая силу болгарского революционного дела. В углу потолка изображена здоровая осанистая девушка, с венцом из роз на голове, с улыбкой на устах, с красивой выпуклой грудью и румяными щеками. Это будущая свободная Болгария. На стенах нарисованы серые голуби, севшие на ветках. Это аллегория, напоминающая о болгарской нравственной чистоте. Рядом со львами, как будто бы танцующие хоро, играют на трубах и поют песни многочисленные херувимы и серафимы. Они символизируют трубу, которая сыграет марш свободы и песню небесных херувимов после освобождения нашей милой отчизны от турок... На южной стене висит громадное зеркало. Под ним стоит маленький столик, покрытый мрамором. На столике лежат разные бритвенные приборы: чехол с бритвами, коробочка пудры и всё необходимое для самобритья. Рядом с зеркалом зияет шкаф с двумя полками, которые набиты выбранными хо-

зяином сочинениями, красиво переплетенными рукой самого Иконописца. Это библиотека человека, который, прочитав что-нибудь, любит по целым дням трезвонить о нем приятелям и соседям. В одном углу комнаты ждут своей очереди недописанные святые, в другом – незаконченные портреты друзей, в третьем – недоделанные фотографические клише, в четвертом стоит фотографический аппарат, накрытый черным материалом. Перед слепой стеной комнаты стоит широкая деревянная кровать. На ней могут расположиться спать пять человек. По линии других стен поставлены высокие и очень широкие раздвижные деревянные софы, накрытые ситцем. На них, по длине стены, лежат подушки, набитые соломой, в ситцевых чехлах. Посередине комнаты стоит круглый стол с тремя плетеными стульями. Около узорчатой двери в беспорядке разбросаны низкие плетеные стулья, какие можно увидеть в кафе. Весь общий беспорядок вещей показывает, что в эту комнату не ступает женская нога» (Перевод мой. – Д. Ч.).

В этом описании значение 'беспорядок' выражено и прямо, и при помощи перечисления лексем разных семантических полей. Образ недоделанной вещи напоминает детали интерьера в доме Манилова («Мертвые души»). Комический эффект порождает желание хозяина «ввести» в свое личное пространство «большую историю» (таково значение экфрасиса – описания картин на стенах в доме гоголевских персонажей). Интертекстуальность усложняется тем, что Гоголь прочитывается через Вазова, так как иконописец напоминает героя Вазова Хаджи Ахилла, превратившего свой дом в музей. В этой ситуации рассказчик превращается в гида, объясняющего аллегории на картинах иконописца.

На основе наблюдений над описаниями в тексте Стояна Заимова можно прийти к выводу, что, увидев болгарскую действительность «глазами» Гоголя, болгарский мемуарист предвосхищает вслед ему такое явление культуры эпохи постмодернизма, как каталогизацию и фрагментарность мира (хотя, конечно, рассказ о важных событиях болгарской истории имеет иерархию ценностей и подчиняет так называемые «маленькие рассказы» – «большому нарративу»).

Примечания

¹ *Кнудсен Ерика*. За характера на Гоголево влияние върху творчеството на Каравелов и Вазов // *Литературна мисъл*. 1981. № 1. С. 49–67.

² *Манолакев Христо*. Между образа и четенето. Руската преводна белетристика през Българското възраждане. София, 1996.

³ *Аретов Николай*. Литературните пристрастия на революционерите в «Миналото» на Стоян Заимов и българската национална митология // *Памет и дълг*. При глаголемите на българската литература. Сборник по повод 60-годишнината на проф. Ив. Радев. Велико Търново, 2003. С. 174–185.

⁴ *Чавдарова Дечка*. Вещи как участници межкультурной коммуникации (на материале текстов болгарской литературы и мемуаристики конца XIX века) // *Концепт вещи в славянских культурах*. М., 2012. С. 167–179.

⁵ *Манолакев Христо*. Цит. соч. С. 96–97.

⁶ *Ракъовски Цветан*. «Миналото» и «Десетдневно царуване». По следите на намерения жанр. (За това как романът замести мемоара). – [Електрон. изд.] www.liternet.bg (дата посещения 14.04.2016). См. также: *Ракъовски Цветан*. Образи на българската памет. Историята. Поборниците. Записките. Велико Търново, 2003.

⁷ *Заимов Стоян*. Миналото. Очерки и спомени из дейността на българските тайни революционни комитети от 1869–1877 г. София, 1986. С. 24.

⁸ Алогизмы в произведениях Гоголя, Каравелова и Вазова анализирует Е. Кнудсен в цит. выше сочинении.

⁹ *Заимов Стоян*. Цит. соч. С. 24.

¹⁰ Обувь, подобная русским лаптям, но сделанная из свиной кожи. В тексте употреблен эпитет «нешавен», что означает необработанную кожу.

¹¹ Город в Родопах.

¹² Из города Габрово.

¹³ Аба – грубая шерстяная ткань или верхняя одежда из такой ткани, в данном случае из города Сливен.

¹⁴ Из города Сопот.

¹⁵ Лекарство от болей в желудке – смесь спирта с этером, диэтиловый этер.

¹⁶ Турецкие туфли с язычком, с пряжкой у щиколотки, на маленьком каблуке.

¹⁷ Украшение типа колье.

¹⁸ Сушеная колбаса со специями типа салями.

¹⁹ Употреблено слово «бъклица».

²⁰ Короткая куртка-безрукавка на меху.

²¹ Жир с костным мозгом.

²² *Заимов Стоян*. Цит. соч. С. 25.

²³ Там же. С. 606.

²⁴ Там же. С. 366.

²⁵ Там же. С. 364–365.